

**СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1967

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Весна 1185 года. Огромная, бескрайняя, поросшая буйной травой дикая степь. Бескопечные отлогие спуски к далеким рекам. Скрытые от глаз кустарники и рощи по оврагам. Со всех сторон опасность: степь принадлежит тем, кто в ней кочует, кто идет весной с юга от зимовий на богатые северные пастбища, на села и города русских, чтобы захватить детей, женщин, мужчин, поживиться золотом, мехами, тканями, оружием. Степняки объединены, сплочены, у них быстрые кони, осадные катапульты, чтобы брать города, огромные, передвигающиеся на великих возах самострелы, тетиву которых натягивают пятьдесят человек. Есть даже «греческий огонь». Они воюют и в Средней Азии и на Балканах. Именно в этот год они сражаются в Болгарии. Воюя, они движутся всем народом: их жены и дети — в походных войлочных домах на телегах. Это страшный враг, ужас и проклятие Руси — половцы.

Медленно движется в этой «незнаемой стране», в «диком поле» небольшое войско новгород-северского князя Игоря Святославича и его немногих союзников. Они идут уже давно, идут навстречу врагу. Это небольшой движущийся островок Русской земли¹. Со всех сторон —

¹ *Русской землей* в те времена называли не только Русскую страну, но и русский народ, русское войско.

с фронта, с флангов и с тыла — войско окружено таинственной и враждебной неизвестностью. Высылаемая вперед разведка не может принести надежных вестей о передвижениях быстрого степного врага. Каждый день пути увеличивает опасность.

Воины помнят о грозном предзнаменовании — солнечном затмении 1-го мая, застигшем их в самом начале похода у берегов Оскола. Игорь Святославич сказал тогда боярам своим и дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Те опустили головы: «Княже! се есть не на добро знамение се». Игорь возразил: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не весть, а знамению творец бог и всему миру своему. А нам что створить бог,— или на добро, или на наше зло,— а то же нам видети». Иными словами: мы сами увидим нашу судьбу и нечего о ней думать раньше времени.

Тяжело было прощание с родиной, скрывшейся за пограничным холмом: «О руская земле! Уже за шеломянем еси!»

Войско идет, сопровождаемое зловещим вниманием хищников, следующих по пятам за войском и ждущих добычи на полях будущих сражений. Хищные птицы то отстают, то обгоняют полки. Волки прячутся по оврагам. Люди и звери, ожидающие их гибели, идут вместе все дальше на юг.

Во время ночевок многим не спится. Короткие переходы от дня к ночи и от ночи к утру кажутся томительно длинными. Долго догорают зори. В темноте и опасности слух обостряется до крайности. Кажется, слышен скрип половецких телег, мчащихся навстречу русским. Или это клик лебедей, испугнутых движением войска?

Когда высланная вперед разведка донесла, что захватить половцев врасплох не удалось, что половцы вооружены и готовы к бою, Игорь не поворотил коней, но и не стал уверять своих воинов в близкой победе. Он сказал: «Оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пущен смерти,— но како ны бог дасть». Перед первой битвой Игорь слова обратился к своим войскам с кратким словом: «Братья, сего есмы искали, а потягнем». Поразительно, что Игорь ничего не сулит своим всиам и не ободряет их призраком победы. Он только обращается к их чувству чести, к их чувству долга и му-

жеству. Когда после первой легкой победы над передовыми отрядами половцев небольшое русское войско вскоре увидело, что оно собрало против себя «всю половецкую землю», что оно окружено, что половецкие полки наступают со всех сторон, «как борове» (подобно лесу), и русские князья не знали — кому куда выступать со своими полками, Игорь снова ободрил своих: «Се ведающе собрахом на ся землю всю: Кошцака, и Козу Бурновича, и Токсобича Колобича, и Етебича, и Терьтробича». Иными словами: мы знали, что делали, выступая в поход.

Чувство чести диктует и тактику боя. В войске Игоря были не только профессиональные воины-дружинники, но и крестьянское ополчение — «черные люди». Княжеская дружина была на конях, крестьяне шли в пешем строю. Игорь приказал дружине сойти с коней, чтобы сражаться всем вместе, не опережая друг друга. Речь Игоря напоминает речи Владимира Мономаха своею заботой о «черных людях». Он сказал: «Оже побегнемь, утечемь сами, а черные люди оставим, то от бога ны будеть грех, сих выдавше. Поидем, но или умремь, или живи будемь на единомь месте».

Наконец, в последнем акте развернувшейся трагедии, когда русские потерпели страшное поражение и раненный в руку Игорь был схвачен и связан, он мужественно принял вину на себя и в тяжелом раздумье о судьбах своего народа каялся в преступлениях, совершенных им против простых крестьян во время междоусобных войн. Его покаянная речь ужасна. Он вспоминает, сколько убийств сотворил он в своих междоусобных войнах с другими русскими князьями, сколько пролил крови, когда взял приступом Переяславль у князя Глеба Святославича, сколько тогда горя приняли невинные люди, как дети были разлучены с отцами, брат с братом, друг с другом, дочери с матерями, подруги с подругами. Все было тогда смятено плечом и скорбью. Живые завидовали мертвым... Юноши приняли тогда немилостивые раны, мужи были посечены и разрублены на части, жены осквернены. «И все то совершил я,— говорит Игорь.— Недостоин я жить». Ставя в непосредственную связь нынешнее свое поражение с междоусобицами прошлого, Игорь так вспоминал потери в битве: «Где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо рожения

моего? где бояре думающей, где мужи храборствующей, где ряд польчный? где кони и оружья многоценная?»¹

Игорь был глубоко прав, объясняя поражение от половцев предшествующими междоусобными войнами с другими русскими князьями. Русским князьям не хватало единства в борьбе с врагом, они выступали против степи с немногими разрозненными силами. Враждовавшие между собой князья не могли сопротивляться страшному врагу Руси, объединившемуся тогда под властью хана Кончака.

Есть что-то общее в этом мужественном, прямом взгляде Игоря на действительность, о котором мы узнаем из летописей, с мужественностью и прямою лучшим древнерусского произведения, созданного об этом походе, — «Слова о полку Игореве».

В самом деле, величайшая патриотическая поэма Древней Руси посвящена не одной из побед, которых немало знало русское оружие, а страшному поражению, в котором впервые за всю русскую историю князь оказался пленным, а войско почти совсем уничтоженным! Автор «Слова» смотрит в глаза опасности, суровой действительности, видит перед собой всю Русь, страдающую от вековых усобиц князей и опустошительных набегов половцев. Он обращается ко всем русским князьям поочередно, как бы призывая их к ответу и требовательно напоминая им об их долге перед родиной. Он зовет их защитить Русскую землю, загородить поля ворота своими острыми стрелами. И поэтому, хотя автор и пишет о поражении, в «Слове» нет и тени уныния. «Слово» так же лаконично и немногословно, как обращения Игоря к своей дружине. Это зов перед боем. Вся поэма как бы обращена к будущему, пронизана заботой об этом будущем. Для автора «Слова» битва со степным врагом еще не кончилась. Поэма о победе была бы поэмой торжества и радости. Победа — это конец сражения, поражение же для автора «Слова» — это только начало битвы. Поражение должно объединить русских. Не к пиру-торжеству зовет автор «Слова», а к пиру-битве.

¹ Здесь и выше цитируется по изданию: «Летопись по Ипатскому списку», издание Археографической комиссии, СПб. 1871 (см. под соответствующими годами стр. 430—434).

Автор «Слова» не чувствует себя человеком зависимым, подневольным, выполняющим чей-то заказ. Это не придворный льстец и не угодливый сочинитель славы своему князю. Это и не составитель печальной элегии, оплакивающей поражение русских. Автор мужественно и прямо обличает крамолу князей — своих современников и их предков. Родоначальник князей Ольговичей, дед Игоря Святославича — знаменитый противник Владимира Мономаха — Олег Святославич, мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. При Олеге Святославиче Русская земля засеивалась и прорастала усобицами, погибало достояние русского народа — «Дажьбожьего внука», в княжеских крамолах сокращались жизни человеческие, редко слышались покрикивания пахарей, но часто граяли вороны, деля между собой человеческие трупы. При родоначальнике полоцких князей — Всеславе Полоцком, — говорит автор «Слова», — кровавые берега Немиги не добром были посеяны — посеяны костями русских сынов. Бориса Вячеславича Киевского похвальба на суд судьбы привела, уложила его на смертное ложе — на зеленую «паполому» реки Канины. Потомки этих князей не лучше. Автор «Слова» гордится смелостью и мужеством Игоря Святославича, радуется его возвращению из плена, но вместе с тем смело упрекает его за безрассудство, за ослушание Святослава Киевского. С поражением Игоря «не веселая година настала», прекратилась борьба князей с половцами и сказал брат брату: «Это мое и то мое же». И стали князья про малое «это великое» говорить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую. И застонал Киев от горя, а Чернигов от напастей; тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная потекла среди земли Русской, князья сами на себя крамолу ковали, и поганые с победами нарыскивали на Русскую землю, беря дань по белке от двора. Игорь и Всеволод своим непослушанием пробудили коварство половцев. Словами Святослава Киевского автор упрекает Игоря и Всеволода за поиски личной славы.

Он смело требует от князей согласованных действий против врагов Руси, укоряет их за бездеятельность. Всеволод Суздальский могуществен, но он не хочет прилететь издалека на юг, поблисти здесь золотой киевский стол своего отца Юрия Долгорукого. Рюрик и Давыд

обладают храброй дружиной, но и их нужно призывать вступить в золотые стремяна за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря. Ярослав Осмомысл высоко сидит на своем златокованом престоле, подперев Венгерские горы своими железными полками, заступив путь венгерскому королю, суды рядя до Дуная, ведя могущественную политику на Ближнем Востоке и повелевая даже Киевом, но и его нужно призывать выступить против Кончака, за землю Русскую, за раны Игоревы. Роман и Мстислав храбры и отважны, но для Игоря-князя тем не менее померк солнца свет, половцы по Роси и Суле города поделили. Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича не по праву побед захватили себе владения. Автор «Слова» стыдит этих князей: «Где же ваши золотые шелома, и сулицы лядские, и щиты! Загородите степи ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!» Особенно гневные слова обращает автор к полоцким Всеславичам — ближайшим родственникам Святослава Киевского (Святослав был женат на полоцкой княгине). Автор требует, чтобы Всеславичи склонили свои стяги, вложили в ножны свои поврежденные мечи, ибо лишились они дедовской славы и своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую.

Автор «Слова» чувствует себя власть имущим, как чувствовали себя власть имущими и все последующие русские писатели. Мы узнаем в «Слове» замечательный героический дух всей последующей русской литературы, высокое сознание своей ответственности, своего писательского призвания, своего общественного долга. Он говорит как равный со всеми, требует, а не молит. Голос его поднимается до обличительного пафоса. Есть что-то пророческое в его обличениях. Вот почему К. Маркс писал: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»¹.

Надо было быть очень смелым человеком, чтобы выступать так, как автор «Слова о полку Игореве». Уже в XI веке среди писателей того времени, несмотря на всю скудость сведений о них, мы можем различить первые жертвы государственных репрессий против литературы:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXII, М.-Л. 1931, стр. 122.

княжеский гнев обрушился против одного из первых русских проповедников — киево-печерского игумена Феодосия; автора «Слова о законе» митрополита Илариона смещают, летописца Никона принуждают бежать в Тмутаракань. Служение литературе с самого начала приобрело черты жертвенности и мученичества. Так было и в последующие века: автора «Моления» Даниила заточают, Максима Грека переводят из одной монастырской тюрьмы в другую, Аввакума и его друга Елифания сжигают за «великие на царский дом хулы».

В страстном и требовательном обращении автора «Слова» к русским князьям есть что-то предвещающее властные и гневные обращения к царям Радищева, Пушкина, Лермонтова, Рылеева, Льва Толстого и многих, многих других русских писателей нового времени. Русские писатели всегда осознавали себя независимыми, ответственными только перед народом, более высокими по своему призванию, чем князья и цари.

Страстность, с которой написано «Слово», поразительна. Оно полно сильных и волнующих чувств. Рассказывая о походе русского войска, автор «Слова» преисполнен такой сильной скорби, что как бы не может удержать себя от вмешательства в действия Игоря. Он прерывает самого себя горестными восклицаниями: «О, далеко залетел сокол, птиц избивая, к морю! А Игорева храброго полку уже не воскресить!», «О, стонать Русской земле, поминая прежнее время и прежних князей!» Автор «Слова» одухотворяет природу, заставляет ее отзываться на все происходящее среди людей. Чувства автора «Слова» так велики, его понимание чужого горя и чужих радостей так остро, что ему кажется, что этими же чувствами, этими же переживаниями наделено и все окружающее. Животные, деревья, трава, цветы, вся природа и даже городские стены щедро наделяются им человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают русских о несчастьях, переживают с ними горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего. Чувства автора, находящие отклик в природе, как бы удесятрены в силе.

С осязательной живостью рисует автор «Слова» удаление русского войска и дважды восклицает: «О Руская

земле, уже за шеломянем (за пограничным холмом) еси!» Только бывавший в походах мог с такою точностью передать душевные переживания воинов, уходящих за пределы родной земли, прощающихся с родиной.

Автор «Слова» как бы слышит издалека шум битвы, но в сильном душевном волнении не хочет и не может осознать внезапно надвинувшегося поражения, несмотря на всю его очевидность. Он восклицает: «Что шумит, что звенит на рассвете рано перед зорями?» Только переживший сам душевную утрату мог с такой психологической верностью передать свое смятенное состояние, свое нежелание поверить в случившееся несчастье.

С исключительной глубиной проникает автор «Слова» и в душевные переживания своих героев. Во всей сложности предстают перед нами противоречивые чувства Святослава Всеволодовича Киевского при известии о поражении Игоря и Всеволода. Он отечески любит их и отечески упрекает за безрассудную затею похода без сговора с остальными русскими князьями: «Что же сотворили вы моей серебряной седине!»

Автор «Слова» понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря, которые, потоптав «поганые» полки половецкие, «помчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Ортмами, япончицами и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам — и всяким узорочьем половецким». И одновременно с этим сочувственным пониманием удали воинов автор «Слова» с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря — Ярославны, плачущей по своему муже. Нежность Ярославны и суровость воинов доступны и близки ему в равной мере. С удивительной человечностью говорит автор «Слова» об одинокой (именно одинокой!) смерти Изяслава Васильковича на поле битвы, на кровавой траве: не было с ним его братьев, в одиночестве изронил он свою жемчужную душу через золотое ожерелье.

Человечность «Слова» проявляется разнообразно и сильно. Она сказывается и в характеристиках действующих лиц: выразительных, кратких и удивительно различных. При всей мимолетности замечаний, которые автор «Слова» в своей лирической торопливости бросает о действующих лицах, в «Слове» нет и двух одинаковых персонажей. Каждый из многочисленных героев «Слова» на-

делен собственными чертами. В них подмечено самое существенное, и это существенное воплощено в произведении самыми различными художественными средствами. Образ «соловья старого времени» Бояна раскрыт характеристикой его художественной манеры. Характеристика Ярославны воплощена в ее плаче. Описание воинской готовности «сведомых кметей», курских воинов Всеволода буй-тура, является одновременно и их лучшей характеристикой.

Но истинным, главным героем произведения является вся Русская земля, и в описании ее, в создании ее образа автор поднимается до необычайного мастерства. Образ родины пронизывает собой все произведение и создан с необыкновенным темпераментом, с чувством страстной любви к ней.

В действие «Слова» втянуты огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), Дон, Черное и Азовское моря, Волга, Рось и Сула, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмутаракань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др. — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор «Слова» не исключает Русскую землю из состава окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а литву, половцев, ятвягов и деремелу (литовское племя) быть непосредственно вовлеченными в ход русской истории.

Подобно Ярославу Галицкому, прозванному Осмомыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обзирает происходящее, автор «Слова» видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее концах: «девицы поют на Дунае, выются голоса через море до Киева»; «трубы трубят в Новгороде, стоят стязи в Путивле»; «кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве» и т. д. Одновременно с походом Игоревы войска двигаются к Дону половцы «неготовыми дорогами», скрипят их немазаные телеги.

Таким же, как у него самого, обостренным слухом и зрением, способным прозревать пространство, наделяет автор и своих героев: когда Всеславу в Полоцке позвонят

к заутрени рано у святой Софии в колокола — он в Киеве уже звон слышал, а когда Олег вступал в золотое стремя в городе Тмутаракани — тот звон слышал, бывало, великий Ярослав, а Владимир (Мономах) всякое утро уши себе закладывал в Чернигове.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав, по выражению «Слова», хитростями подперся на коней и скакнул ко городу Киеву и доткнулся копьем до золотого престола киевского. Отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синем облаке, наутро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав-князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал, из города дорыскивал до петухов до Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси могущество героев «Слова» приобретает гиперболические размеры: Владимира Мономаха нельзя было пригвоздить к горам Киевским; Галицкий Ярослав подпер горы, затворил Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова», всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого... Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения Игоря широкая печаль течет по Руси.

Ветер, солнце, грозные тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щебет соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки составляют огромный, необычайно широкий фон, на котором разворачивается действие «Слова», передают ощущение бескрайних просторов родины.

Ярославна в плаче обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море; к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы носы до Кобякова стана; к солнцу, которое для всех тепло и прекрасно, а в

степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы, принимающие участие в судьбе Игоря.

Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в «Слове», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (гуси, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты («не буря соколов занесла через поля широкие, галок стаи летят к Дону великому», вороны несутся к синему морю и пр.); ветры и отдаленное море также подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить все ее пространство, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора «Слова» охватывает подробности походной жизни, стенных переходов, присмы защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей.

Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противостоит образу пустынной половецкой степи — «стране пезнасмой», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

Вся художественная система «Слова» построена на контрастах.

Один из самых острых контрастов, пронизывающих все «Слово», — это контраст книжных элементов стиля с народно-поэтическими. Элементы книжные и устные, переплетаясь, создают своеобразие и разнообразие стиля этого небольшого, но исключительно богатого по форме и содержанию произведения.

В «Слове» можно заметить многочисленные связи с современными ему произведениями переводной и оригинальной книжности домонгольского времени. Отдельные образы «Слова» близки к образам летописи, «Слова о гибели русской земли», проповедей Кирилла Туровского, переводных хроник Манассии и Георгия Амартола, к «Повести о разорении Иерусалима» и к Девгениеву Дея-

нию. Так, например, начальные размышления автора «Слова» о том, какой избрать стиль для описания событий и самое обращение к певцу — своему предшественнику, — имеют аналогии в переводной Хронике Манассии. Книжного происхождения выражение «старыми словесы» или образ «мысленного древа», выражения «истягнуть умь крепостию своею» и «поострить сердца своего мужеством», «свивать славы оба полы сего времени» и «летать умом под облакы».

Широко представлена в «Слове» и феодальная символика. В военнотружинной среде определенное символическое значение имел меч (символ войны), стяг, копье, стремя. Выражение «вступить в стремя» означало выступить в поход, «понизить стяг» означало признать себя побежденным, «испить шлемом воду из какой-либо реки» значило покорить земли на ее берегах.

Но ближе всего «Слово» к народной поэзии.

Народны в «Слове» образы дерева, приклоняющегося до земли от горя, никнущей от жалости травы, сравнений битвы с пиром, с жатвой. Близок к народному плачу плач Ярославны. В народных плачах постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в плаче Ярославны. Сон Святослава полон народных поэтических символов. Описание бегства Игоря из плена имеет сказочные мотивы: в сказках нередко герой, спасающийся от преследующего его колдуна, также обращается в животных. Подобно Игорю, обернувшись соколом и бывшему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину, в былинке о Волхе Всеславьевиче последний, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для своей дружины. Воспитание курских дружинников напоминает воспитание Волха Всеславьевича. Народен и образ «девы Обиды», встречающийся в устной поэзии. Народного богатыря напоминает Всеволод буй-тур, когда он прыщет на врагов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод буй-тур сражается с врагами, и куда поскачет — там лежат поганые головы половецкие.

Народная стихия в «Слове» выражается в излюбленных народной поэзией отрицательных метафорах («у Немиги кровавые берега не добром были засеяны — засеяны костями русских сынов»), в фольклорных эпитетах (чистое поле, острые мечи, каленые стрелы, синее море,

черный ворон, красные девы и др.), в некоторых гиперболах, сравнениях и т. д.

Соединение письменной, литературной традиции и народной, устной делает «Слово» особенно богатым, сложным, многогранным.

Остро контрастно в «Слове» и сочетание прозы с ритмически организованными строками.

Бодрый и энергичный ритм мчащихся воинов чувствуется в описании черниговских кметей:

под трубами повити,
под шеломы възлелеяны,
конец копия въскормлени,
пути имь ведоми,
яругы имь знаеми,
луци у них напяржени,
тули отворени,
сабли изострени.

Иной ритм — ритм большого свободного дыхания народного плача ощущается в обращениях Ярославны к солнцу, к ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!

Ты пробил еси каменные горы сквозе землю Половецкую.

Ты лелеял еси на себе Святослави носады до полку Кобякова.

Возлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала

к нему слез на море рано!

Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз: «ту», «уже» и пр. Достигается ритмичность и сочетаниями однотипно построенных предложений, составляющих единое целое:

притопта холми и яругы,
взмути реки и озера,
иссуши потоки и болота.

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска», «от Дона и от моря», «в ты рати и в ты полкы».

Ритм «Слова» часто меняется, близко следует смыслу, содержанию произведения. В точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Слова» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

Поразительно, что столь небольшое произведение так богато и даже роскошно по языку. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения. Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто блещут — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «никнет» («ничить»). Персты не просто кладут на струны — их «воскладывают». Славу можно «расшибить» и «притрепать». Тоска «разливается». Печаль «течет» посреди Русской земли. Веселье «развеивается по ковылю».

Автор «Слова» очень скуп на эпитеты, но зато употребленные им — метки. Сравните, например, такие эпитеты: «жемчужная» душа, «теплые» туманы («мглы»), «живые» струны. Первый эпитет связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь в одиночестве на поле битвы, умирая от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (то есть через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в котором эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря из плена: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время почлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые» — этим подчеркивается искусство игры Бояна. Эпитет этот согласуется с тем, что о них говорится дальше: они «сами» рокочут славу, инструмент как бы оживает в руках мастера.

Богато и разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева — они «выются». Телеги у него не скрипят, а «кричат» как лебеди. Кликом можно даже «перегородить» поля. Слава «звенит», и в славу «звонят». Соловьи «щекочут», их песни «веселые», орлы «клекчут», лисицы «брешут», волки «въсрожать», галки «говорят», кози «ржут», див «кличет», вороны «грают», туры «рыкают», сороки «втроскотаща», дятлы «тектom» поведают путь Игорю, ночью встает звериный «свист» (свист степных сусликов) и т. д.

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, характерным для эпохи высокого развития древнерусской живописи, наступившего в XII веке. Зрительно эф-

фектны образы плавающих в красной крови золотых шлемов, зеленой травы на серебряных берегах Донца, черной земли, политой красной кровью.

Очень богата оружейная терминология «Слова», типичная для средневековой любви к оружию. Сабли в «Слове» «гремят» о шлемы, ими можно «поскепать» оварские шлемы и «потручать» о шлемы. Сабли «припешивают» крылья соколам. Сабли «каленные» и «изостренны». Мечи «цвелят» Половецкую землю, ими «гремят» и «позванивают» о шлемы, «притрепывают» врагов. Копья «трещат» и «приламываются», «поют» в полете. Стружием (древком) можно «доткнуться» до престола. Стрелы «каленные», «острые» и «золоченые». Они «летят», ими «прыщут» и их «сеют» по земле. Ветры «всюют» и «мычат» стрелами. Автор «Слова» обращает внимание на то, где сделано оружие. Мечи у него литовские, сулицы (короткие копья) лядские, шлемы литовские и оварские, стрелы «хиновские». Он обращает особое внимание на закалку мечей, сабель и наконечников стрел («каленные», «харалужные»). Скупой на сравнения, автор «Слова» часто тем не менее прибегает к сравнениям с оружием: дождь идет «стрелами», «стрелами» же рассеялись по полю русские. Сердца воинов скованы и закалены, крамола куется.

Созданное вскоре после описываемых событий, «Слово о полку Игореве» «не затерялось,— по выражению академика А. С. Орлова,— на границе дикого поля». Во все эпохи «Слово» было живым явлением русской литературы, всегда сохраняло свою идейную и эстетическую действительность. В 1307 году скромный писец Пантелеймонова монастыря в Пскове переписывал «Апостол» и захотел в приписке выразить свое возмущение усобицами князей, своих современников — Михаила Тверского и Георгия Даниловича Московского — он сделал это словами «Слова о полку Игореве»: «При сих князех сеяшеться и роставше усобицами, гыняше жизнь паша, в князех которы, и веди скоротишася человеком!» Впечатления от Куликовской битвы Сафоний рязанец выразил в произведении, подражающем «Слову», — «Задонщине». Отдельные образы и выражения «Слова» отразились и в «Сказании о Мамаевом побоище».

«Слово» дошло до нас в единственном списке XVI века. Трагична его судьба: в 1812 году этот единственный список сгорел вместе со всеми другими ценнейшими рукописями собрания А. И. Мусина-Пушкина в большом московском пожаре. Но, по счастью, в 1800 году Мусин-Пушкин успел издать его. Благодаря этому «Слово о полку Игореве» стало живым явлением не только древней русской литературы, но и новой, и в особенности, современной.

Небольшой памятник, посвященный горестному поражению русских в походе против половцев 1185 года, оказался одной из самых больших и радостных побед русского слова.

Красотой «Слова» были упоены люди безукоризненного вкуса: Жуковский, Пушкин, Белинский, Гоголь, а в XX веке — Блок, Бунин и многие советские поэты и писатели.

Сила любви к родине, к Русской земле, покоряет читателей «Слова». Чувство это пронизывает собой все произведение, проступает в каждой строке. Оно наполняет сердце читателя жгучим горем при описании поражения русского войска, гордостью за свою родину при описании силы и смелости ее князей, острой ненавистью к ее врагам в рассказе о разорении Русской земли. Любовь к родине и русскому народу определила выбор художественных средств в «Слове», близких к народному творчеству, усилила наблюдательность ее автора, вдохнула в него подлинное поэтическое одушевление, придала высокую идейность его произведению.

Вот почему значение «Слова» так безмерно возросло в наше время. Вот почему оно находит такой горячий отклик в сердцах всех людей, беззаветно преданных своей родине.

Д. Лихачев